

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Д. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual N° 949917

Editor - Director

TATIANA K. DE DUBROWSKY

Monroe 4219, Dpto. 10

1430 Buenos Aires

Argentina

Correo
Argentino
Suc. 30 (B)

FRANQUEO PAGADO

Concesión N° 4233

Concesión N° 3980

INTERES GENERAL

AÑO XXXIII Buenos Aires, Viernes 12 de setiembre de 1980

Буэнос Айрес, пятница 12 сентября

№ 1593

А. МАКРИДИ

Праздник Русской Чести

Русский Корпус родился в Сербии 12 сентября 1941 года в начале Второй мировой войны. В будущем году этому событию исполнится сорок лет, но и в этом году, каждый год, ушедших добровольцев должно помянуть, здравствующих поздравлять, в силу знатного происхождения Корпуса: он родной сын Первого похода и всяк, кто это оспаривает, пытаясь приписать Корпусу «коллорабацию», невежда, либо друг СССР больший, чем России, потому что не хочет, или не может понять побуждений, увлекших избранных Славы, сперва, в ряды Добровольческой армии, и спустя четверть века, в строй Русского Корпуса. А побуждения были одинаковыми. И одинаково далекими от коллаборации, по ухищрению политических спекуляторов, ставшей после войны синонимом измены.

Минуя неразрешенный спор о том, что нравственнее — «хоть с чортом против Гитлера» или «хоть с Гитлером против Сталина», то есть, насколько законнее коллаборация с большевиками коллаборации с немцами, отметим, всё же, что русские с немцами никаких соглашений не подписывали, чем не может похвастаться демократия, не только сама подписывавшая, но и защитников своих принуждавшая подписывать юридически оформленную коллаборацию с коммунистами. С тех пор мало что изменилось, если же и изменилось, то к худшему; коллаборация с коммунизмом ширится и углубляется, но попрежнему приписывается только тем, кто не защищал демократию, в первую голову — русским антикоммунистам.

Последние же, если и сотрудничали, то за незначительным исключением, не с нацистами, а с армией. Это далеко не одно и то же: армия относилась к нам с пониманием и доверием, нацисты же не понимали нас, как их не понимала немецкая армия и подозревали нас в коварстве. ОКВ (Обер Комmando Вермахт) поощряло РОА, а нацисты добились от Гитлера запрещения. Добивались ликвидации, но Фюрер приказал «поставить РОА на лёд», с которого его сняли, как известно, слишком поздно. Нацистское раздвоение в вопросе вооружения русских антикоммунистов сказало и на бесспособности Русского Корпуса; получи он большее и лучшее вооружение, его боееспособность из непреодолимой переросла бы в сокрушительную. Этого, то и боялись нацистские «комиссары», но немецкие офицеры этого не боялись, а хотели.

Организатор и первый командир Русского Корпуса генерал-майор Скородумов Михаил Федорович свой приказ № 1 закончил патристическим призывом, ничуть не задевавшим немецкие национальные чувства, но Скородумова за приказ арестовали; арестовало не «военное командование, а Гестапо, которому, в результате энергичного сопротивления, удалось только «для сохранения лица» добиться снятия генерала Скородумова с должности, но пришлось примириться с условиями нового командира Корпуса, по которым ни один немецкий офицер дисциплинарной властью в Корпусе не пользовался и командной должности не занимал; на все строевые должности назначались только русские офицеры и подчинен немецкому командованию был только командир Корпуса. Таким образом, не имея в армии решающего голоса, партийцы сохранили за собой право вмешиваться в армейские дела и тор-

мозить их, из-за чего не переставали возникать всякие трения; большая часть их сглаживалась самими немцами.

Тут стоит привести забавный случай с неуклюжим нацистом, самовольно включившим в Устав Корпуса пункт о воспитании корпусных офицеров в понятии чести, долга и дисциплины. Это кадровых-то русских императорских офицеров, среди которых были старше семидесяти лет!! На совещании в штабе Корпуса пункт единодушно был отвергнут, как оскорбительный и одновременно было постановлено вызвать обидчика на дуэль. Немцы заставили дурака публично извиниться, после чего, его снизили в должности и перевели в другое место. Не приходится говорить о том, что всё, сколько-нибудь способное задеть достоинство русского воинства, из текста было немцами вычищено.

В общем, немцы относились к корпусникам, как к равным, дружелюбно и справедливо, в чем сказало влияние наших кадровых офицеров, воспитанных «в понятии долга, чести и дисциплины» раньше большинства немецких офицеров; относились с уважением и благодарядя доблести корпусников, подкупавшей, пожалуй, больше всего.

Крупное немецкое соединение было неприятно поражено необычайным для красных сопротивлением на шоссе в горном ущельи силами небольшой заставы, обойти которую, ни окружить, оно не могло. Так и не преодолев сопротивления, немцы отступили с серьезными потерями. В свою очередь, так же неприятно была удивлена русская застава, испытывавшая необычайную силу партизанских атак. Корпусники тоже понесли потери, но остались на посту. Только утром, к ужасу обеих сторон выяснилось недоразумение, расследовать которое прибыл немецкий бригадный генерал. После ознакомления со всеми обстоятельствами ночного боя, генерал возложил ответственность за него на немецкую полевую жандармерию, на обязанности которой было предупредить заставу о приближении немецкой части. На прощанье, генерал похвалил организацию русской обороны, пообещал восполнить боевые припасы и отдал честь начальнику заставы, на прощанье заявил: «Ваши солдаты умеют сражаться!»

Не скрывая восхищения действиями воинов, частей и Корпуса в целом, немецкое командование откровенно выражало его в приказах по армии благодарностью, награждением Железным Крестом и производством отличившихся. Так креп настоящий, армейский, рыцарский союз в борьбе с общим политическим злом, приобретающий в отдельных, но не редких случаях, характер и настоящей дружбы рядовых и офицеров. И никого не удивило, когда унтер-офицеры 5-го «Железного» полка Гибалов и Пяткин по собственной инициативе ринулись сквозь ураганный огонь на выручку отрезанных и обреченных немецких солдат, только Промыслом Божиим уцелели и спасли своих антикоммунистических соратников там, где сами немцы спасение считали невозможным.

Из-за большой убыли в личном составе Конного взвода, жена его командира Нина Голофаева заменяет раненного пулеметчика и строчит по партизанам так, что те не выдерживают и бегут.

Унтер-офицер Шафаревич сам себе ампутирует в бою ногу, наспех перевязывает, остается в строю и продолжает

(Продолжение на 2-й стр.)

ЕВГЕНИЙ ВАГИН

Юрий Тимофеевич Машков

1937-1980

Умер Юра Машков... Эту невероятную, ошеломляющую новость сообщили мне в письме из США в день смерти моего друга по лагерю, с которым еще только прошлой осенью мы целую ночь проговорили в номере вашингтонской гостиницы, который всего три года успел «наслаждаться свободой» — как выразилась моя корреспондентка в своем бесконечно-грустном письме...

Боюсь, что многие читатели, русские читатели всех трех «волн» эмиграции спросят с недоумением: а кто такой Юрий Машков? чем он замечателен? Почему мы о нем ничего не слышали? Хотя те, кто читал немногое написанное Ю. Машковым или слышал хоть раз его пламенные выступления — несомненно, запомнили надолго и страстный пафос, и беспощадно-точные обвинения его в адрес коммунистического режима.

Юрий Машков — антикоммунист и православный патриот, один из самых ярких и замечательных русских людей из числа тех немногих, которых вынесла на Запад так называемая «третья волна». И наш общий грех, наша беда и стыд, что о таких людях мы узнаем слишком поздно, не умеем оценить их при жизни, даже — говоря грубо-прагматически — использовать их не умеем как надо в интересах нашего общего русского дела...

Родом из простой крестьянской семьи, с задатками художника, самобытным складом ума, Юрий Машков перевел характерную и знаменательную духовную эволюцию, о которой сам рассказывал (непроизнесенном!) выступлении на Римских Сахаровских слушаниях, впоследствии опубликованном в зарубежной русской прессе. Как и многие из нашего поколения, поколения 1937-38 годов, он воспитывался в среде атеистической, на себе испытал чугунный пресс безбожной пропаганды, ищущей раздавить личность, задушить зародыше самостоятельные и независимые ростки религиозных исканий. Как большинство после 1956 года, на волне «польских событий» (тогдашних!) и венгерской народной антикоммунистической революции он искал ответа в «ревизионистском» марксизме, что уже было выражением протеста и началом поисков Истины. Как немногие, но лучшие — самые честные и последовательные — в лагере он обрел веру, которая с того времени осветила высшим Светом его существование...

Я встретился с Ю. Машковым в лагере, хотя уже во время следствия (мы находились одновременно в следственной тюрьме ленинградского КГБ) мы «познакомились» и весьма интенсивно общались перестукиванием и даже редкими записками. Я был ево всем новичек, мне было интересно, что ожидает нас в лагерной зоне; он же начинал свой второй — десятилетний срок, после того как уже отсидел семь лет за свой неофициальный марксизм. В этот раз он совершил преступление еще более страшное, чем создание марксистского кружка: собирался бежать из советского парадиза, да еще подговорив беременную жену и младшего брата... В лагере мы были вместе некоторое время, потом нас разбросали по разным зонам

и, в конце концов, снова мы оказались вместе на 19-м, откуда его увезли в ново-открытые пермские подлит-лагеря. В другом своем — тоже неслыханном выступлении, на сей раз в Вашингтоне, все на тех же Сахаровских слушаниях, он рассказал о страшных условиях, в которых «этапировали» политзеков из Мордовии на Урал (не рассказал — написал, напечатали записанное в одном из русских журналов). Там он встретился с Игорем Огурцовым, с которым находился в одной камере еще во время следствия. Ю. Машков не был членом ВСХСОН, но был близок нам по духу — о чем он и говорил мне, и о чем успел написать...

Я все уговаривал Юру — в том числе и в последнюю нашу встречу в США — написать подробно о своем пути к Богу. Так, как мог бы написать это он — никто не напишет и не расскажет. Хотя остались люди, которых он, именно Юра Машков, можно сказать, привел к Богу: своим примером, своей верой. В лагере он действительно жил — верой. О Священном Писании он мог говорить долго и увлеченно, как ни о чем другом, и знал он Библию — как никто другой в лагере, не исключая даже и заключенных духовного звания. Он переписал собственноручно (и многие фрагменты — по несколько раз, ибо это запрещалось и рукописи изымались) едва ли не все книги Ветхого и Нового Заветов. Из разных источников доставая, он составил уникальный в своем роде свод — материальное свидетельство редкого усердия и любви к Слову Божию. Поистине оригеновское усилие, если учесть, в каких условиях происходило составление этого «свода»!

«Оригеновскими» — в смысле своего образа, не всегда ортодоксального — были и некоторые его взгляды; он защищал их со страстью, неистово, зажигая своим убеждением собеседника, зажигая в собеседнике встречное желание самому разобраться в обсуждаемых вопросах. Мы с ним и спорили, и расходились, но и для тех, кто не принимал Ю. Машкова как личность, он был воплощением человека веры, пламенной, неистребимой веры православным.

Из Советского Союза он выехал осенью 1977 года, через год после нашего отъезда. Перед самым нашим отъездом я успел повидаться с ним — только что вышедшим тогда из лагеря после полнотью отбытых десяти лет; в Риме мы встретились друзьями, иначе не могло и быть.

Позже советская газета в направленном против меня фельетоне утверждала, будто я чуть ли не «обрабатывал Машкова в антисоветском духе». Это смешно, ибо и выехал на Запад Ю. Машков с целью рассказать о том, что сам пережил и к чему пришел. А это был не просто и не только «антисоветизм», но убежденный и последовательный антикоммунизм. На религиозной, христианской основе.

И вот здесь началось то странное и непонятное, что объяснить до конца я не в состоянии и до сих пор. Приехал человек из Советского Союза, отсидевши СЕМНАДЦАТЬ лет, что называется

А. МАКРИДИ

Праздник Русской Чести

(Начало на 1-й стр.)

ет командовать действиями тяжелого пулемета, пока не теряет сознания.

Бункер 174 отбивался три дня, никто не сдался, все до последнего погибли в огне, только пепел остался, даже опознать было невозможно...

Как правило, в плен живым никто не сдавался, если же случалось, принимали муки, но на сторону врага не переходили, когда те предлагали изменой купить жизнь. Убивали медленно, иногда подвешивали за ноги над костром. Только раз двое согласились вступить в партизанские отряды, вступили и через два дня вернулись с ослами, нагруженными украденным снаряжением, патронами и минами, которых не хватало. Красные же бесперебойно и щедро снабжались всем необходимым англичанами по воздуху.

Примеры, подобно приведенным, всегда имеют одну опасную сторону: они могут показаться единственными. Поэтому, ограничиваясь ими, приходится добавлять, что выхвачены они из истории Корпуса наугад и не составляют сотой части проявленного героизма, настолько высокого, что немцы, сплошь и рядом, бестрепетно вверяли нашему командованию свои соединения, если того требовали оперативные задачи.

Короткая, но блистательная история Русского Корпуса делится на три части: основателем и первым командиром его был генерал-майор Скородумов Михаил Федорович, фактическим организатором, принявшим на себя основную тяжесть командования — Ген. Штаба генерал-лейтенант Штейфон Борис Александрович, после его смерти продолжал командовать боевыми операциями лейб-гвардии полковник Рогожин Анатолий Иванович, не менее крупный военачальник и спаситель оставшейся от Корпуса трети его личного состава после окончания войны и вынужденной капитуляции вместе с немецкой армией. Славное имя лейб-гвардии полковника Рогожина и после войны до его кончины продолжало светиться в качестве председателя Союза чинов Русского Корпуса. Среди всех патриотических формирований и движений военного времени, Русскому Корпусу, по праву, принадлежит первое место, на которое его выдвинула сама история, оказавшаяся менее милостивой к РОА. Можно сказать, что Русский Корпус в летописи русского вооруженного сопротивления большевизму получит не мень-

шее признание, чем Ледяные походы — 1-й Кубанский и последний Сибирский.

Четверть века отделяет эпопею Русского Корпуса от Корниловского Похода; четверть века изгнания большинства его участников, уцелевших от боёв, террора, предательства, недоедания, болезней, непривычного тяжелого труда; четверть века унижительного и беспомощного наблюдения оскорбительного политического, военного, торгового и «культурного» братания недавних союзников России с ее лютейшими ненавистниками и губителями. Все это, вкуче с неумолимым временем, отнявшим половину физических сил, подорвало другую половину, но не одолело духовной стойкости кадровых офицеров и их детей. С неудержимой силой императорские офицеры, как к магниту, притянулись к первой же реальной возможности лечь в стрелковую цепь, увлекая своих и чужих русских сынов, может быть с тем, чтобы больше не подняться.

Во многом изумлявшая немцев стойкость и железная самодисциплина всех чинов Русского Корпуса явились зеркальным отражением Первого Корниловского Похода, не только духа и традиций его, но и многих условий, сопутствовавших одинаково тому и другому. А некоторые совпадения, носят даже характер и несколько мистический. Граната, влетевшая в комнату Корнилова, убила его. Граната, разорвавшаяся в спальне Штейфона, опоздала на несколько минут, но умерли оба командира на походе и в апреле.

Марина Цветаева в стихах, посвященных первопоходникам, назвала их стаей белых лебедей. Русский Корпус был лебединой песней первоначавших красиво начатой в Кубанских степях и красиво законченной в горах Сербии...

Сразу после войны, в Южной Африке судили вернувшегося из немецкого плена английского офицера за то, что он согласился вступить в Иностранский Легион и сражался на Восточном фронте. Англичанин обвинялся в измене и ему грозила виселица. Это дело разбиралось не более часа, англичанина приговорили к штрафу в десять фунтов за ношение иностранной формы во время войны и отпустили на свободу.

Судья мотивировал оправдание тем, что, как говорилось в приговоре, «борьба с большевизмом — долг каждого честного человека, способного держать в руках оружие и независимо оттого где, когда и от кого он его получит». Таких судей в Нюрнбергский Трибунал победители не назначали.

А. МАКРИДИ

«ни за что» (что понимается под этим ТАМ — об этом стоило бы написать специально); как раз в это время готовилась вторая сессия сахаровских слушаний в Риме — «свидетелей» для этой сессии срочно выписывают из разных стран, в том числе из далеких США. К предложению включить в число дающих свидетельские показания Ю. Машкова организаторы с самого начала почему-то отнеслись без энтузиазма, но все же включили. Однако выступить ему на заседаниях — не дали. В зале заседаний произошла встреча Ю. Машкова с кардиналом И. Слипом, которого он знал еще по первому своему сроку. Казалось бы — вот сенсация! Сфотографированы вместе они были, но нигде в прессе этих снимков я не видел...

Затем — нашумевшее «диссидентское» биеннале в Венеции. И опять приглашен Ю. Машков, и опять бледнеет и кусает губы, видя, что заседание религиозной секции подходит к концу, а о нем никто не вспоминает. Если бы не благородный жест нашего общего итальянского друга, который отказался от своего выступления, чтобы смог говорить свидетель веры — никто из участников (рядовых) этого собрания так и не знал бы ничего об уникальной судьбе самого Юрия и его товарищей по заключению — православных христиан.

И все же «итальянские каникулы» Ю. Машкова были, видимо, самым счастливым периодом в его слишком недолгой жизни в свободном мире. Он получил возможность выступать в самых разных городах Италии, и рассказывать о пережитом. Говорил он настолько убедительно и страстно, сам облик его был таков, что переводчику оставалось очень немного: только направлять внимание слушателей в русло конкретных тем — по ним а л и Машкова, не зная русского языка. Каждое

его выступление было успехом и триумфом, и за эти несколько месяцев он сделал очень много. И опять горький вопрос: ну, а в русской аудитории разве не нужны такие выступления? Разве все русские здесь на Западе не должны были бы слышать это уникальное свидетельство веры, свидетельство против безбожного, бесчеловечного режима?! И разве не следовало представить именно Ю. Машкову самую широкую аудиторию, самую заметную трибуну для его рассказов?!

На Третьих Сахаровских слушаниях в Вашингтоне осенью прошлого года Ю. Машков приглашен был в качестве гостя. Он-то надеялся, что дадут ему хотя бы десять минут — в этом зале, где выступали бывшие прокуроры и бывшие члены партии, сидевшие по пятнадцать суток или не сидевшие вовсе, — ему, русскому православному христианину, отбывшему СЕМНАДЦАТЬ лет лагерей! Нет, не дали слова Машкову, и снова он молчал бледнел и краснел, и эти переживания, я почти уверен, ускорили его кончину. У него был рак, о котором сам он и не подозревал...

И вот эта нелепая, чудовищная вещь — «в черном траурном конверте», не приснившаяся, реальная и страшная вещь о смерти молодого еще человека, убитого безбожным советским режимом, отнявшим предварительно половину его жизни. Но нет ли и на нас частичной вины — наше равнодушие, или такое теплое (в грозном евангельском смысле, то есть ни горячее, ни холодное) «сочувствие», наше нежелание или неумение хотя бы «использовать» — снова повторяю я это с надрывом! — использовать русского человека для русского же дела, создать ему минимальные условия, чтобы мог он сделаться то, в чем и сам видел — свой долг. Как мы расточительно-небрежны, преступно-невнимательны к тому самому драгоцен-

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

669. СОБЫТИЯ В ПОЛЬШЕ. — ПРОЦЕССЫ о ГЛЕБА ЯКУНИНА И ТАТЬЯНЫ ВЕЛИКАНОВОЙ. — РАССКАЗ КИЕВЛЯНКИ. — КОНЧИНА ЮРИЯ МАШКОВА. — ЗАМЕЧАНИЕ ВЫРВАВШЕГОСЯ ИЗ СССР СТАРОГО ЕВРЕЯ.

Забастовка в Польше пока что закончилась победой забастовщиков — портовых рабочих польских балтийских портов Данцига, Гдыни, Штеттина, требовавших наряду с повышением зарплаты права свободного выбора своих профессиональных организаций. Эта забастовка нанесла большой урон и без того слабому хозяйственному положению Польши. Самым большим вопросом был вопрос о свободных профсоюзках. Этого нет ни в СССР, ни во всех советских сателлитах. Вождь забастовщиков Валеза вел переговоры в Данциге с заместителем председателя совета министров Ягельским, которого послал бывший генеральный секретарь ЦК Польской компартии Гиерек. Застой всей внешней торговли Польши заставил Гиерека съездить в Белосток, где он изложил положение присланным Брежневым для переговоров советским членам политбюро ЦК Кириленко и Черненко. Они разрешили Гиереку признать свободно выбранные профсоюзы при условии, что они будут соблюдать конституцию и будут верны коммунизму.

Все же это большое достижение, ибо в свободно выбранный профессиональный комитет могут пройти на словах лояльные, а на деле тайные враги советского режима, которые намеком или просто подбором материала для радиопередачи от имени профкомитета сумеют сказать что-то, чего нельзя говорить.

Отмечу, что еще в прошлом году рабочие заводов в трех советских городах — Ростове на Дону, Днепрпетровске и Одессе — требовали свободно выбранных заводских комитетов, за что зачинщики, собиравшие подписи товарищей, получили по три года концлагеря, ибо, продержав их полгода в предварительном заключении КГБ объяснило им, что это требование направлено против диктатуры компартии, на которой держится советский режим.

28-го августа народный суд, приняв полностью требование прокурора, приговорил отца Глеба Якунина к пяти годам концлагеря с последующей ссылкой на пять лет. Отец Глеб основал и возглавлял «Комитет по защите прав верующих».

На этот раз ТАСС дал объяснение столь суровому приговору: «Установлено предварительным следствием и доказано на суде что Якунин сочинял, размножал и распространял листовки, содержащие антиправительственную пропаганду с целью подрывать существующий государственный строй. Неоспоримые данные, представленные обвинением на судебном заседании показали его связи с зарубежными антисоветскими организациями, ставящими себе целью свержение советского строя. При встречах с эмиссарами этих организаций он обсуждал с ними планы активных выступлений против советского правительства. Он предлагал создать за рубежом новый центр, который по радио организовал бы идеологическую борьбу против советского государственного строя».

Кроме того в ходе предварительного следствия установлено, что Якунин скупал и передавал за границу антикварные предметы, книги, металлические изделия и драгоценные камни, относящиеся к предметам религиозного культа, которые

тому, что осталось у нас, лишенных родины: к нашим соотечественникам. Особенно тем, недавно прибывшим и прибывающим, которым так нужны сочувствие и понимание. И которые сами, своим пережитым опытом способны многому научить нас. Если и не научить — то напомнить: о том, о чем мы забывать не имеем права.

Вечная память тебе, дорогой Юра. После стольких страданий тебе удалось вырваться на свободу, тебе улыбнулось, наконец, после всего пережитого, личное счастье, ты, сколько мог, исполнил свой долг русского православного патриота на чужбине. Те, кто тебя знал, никогда тебя не забудут. Упокой, Господи, душу верного раба Твоего...

ЕВГЕНИЙ ВАГИН. Рим

ми некоторые органы буржуазной пропаганды снабжали через Якунина население Советского Союза».

Все эти замысловатые выражения означают только, что отец Глеб получал из заграничных святых иконы, которые передавал ограбленным советскими органами власти церквам. Возможно, что эти иконы предназначались вновь открываемым церквам для тех городов, где не осталось ни одного храма для нужд верующего православного населения. Ведь сейчас имеется в Киеве лишь одна иконописная мастерская, где монахини пишут иконы по заказам, получаемым по почте из других городов обширной нашей родины.

Во всяком случае знаменательно, что советская печать поспешила нам так подробно изложить христианскую деятельность отца Глеба, который с ноября прошлого года находился в заключении и только в августе предстал перед советским судом.

На другой день после суда над отцом Глебом, состоялся в другом районе столицы суд над преподавательницей математики в школе-десятилетке и ассистенткой математического кабинета при университете 50-летней Татьяной Великановой по обвинению в организации нелегального религиозного семинара в котором участвовали преподаватели университета и средних школ. В отличие от отца Глеба она приговорена к четырем годам заключения с последующей ссылкой на пять лет в отдаленные местности. Суд дал ей на год меньше заключения, чем отцу Глебу, принимая во внимание, что она уже пожилая женщина. Но раз срок заключения больше трех лет, то Великанова будет отбывать его в концлагере, а не в тюрьме по месту вынесения судебного приговора.

Как свидетельствует советская печать, эти два приговора говорят о продолжающемся при Брежневской диктатуре гонении на Церковь и запугивании верующих. Отцу Якунину вменена несомненно в вину связь с заграничными журналистами, которые от него узнавали о гонениях на Церковь, которые скрывает от них руководимый Замятинским отдел печати министерства иностранных дел, устраняющий для них пропагандистские прессконференции. Журналистам же необходимо знать побольше, чем сообщает им лживая пропаганда тов. Замятина.

На днях мне удалось беседовать с вырвавшейся на Запад в свободный мир киевлянкой, которая сообщила много интересного. В Киеве на улицах слышится исключительно русская речь. Украинский язык служит лишь для официальных правительственных и партийных собраний, расходясь с которых участники беседуют между собой по-русски. Партийные и научные работники мечтают поехать в Москву, для чего надо говорить по-русски.

В университете преподавание ведется по-украински на всех факультетах в отличие от Одессы, где преподавание ведется по-русски. Печать выходит по-украински. В средних школах преподавание идет по-украински, но русский язык преподается 8 часов в неделю во всех классах и все ученики отлично говорят по-русски, который является языком всех видов транспорта: железнодорожного, речного на Днестре и воздушного на аэродромах, как и в вооруженных силах: сухопутных, морских и воздушных.

Украина изобилует овощами и фруктами по сезонам их созревания, но не хватает порой, мясо-молочных продуктов: порой, нет в магазинах мяса, масла, сыров.

Скорблю о кончине столь недавно вырвавшегося в свободный мир моего друга Юрия Машкова, отбывшего много лет советского концлагеря, в который попал после окончания им университета.

По времени, сведения его о концлагерях, тюрьмах и этапах были для нас самыми свежими и о них он делал доклады в разных городах Европы и Соединенных Штатов на русском языке.

Ю. КАРЕЛЛИ-ДИ-БРАНДИЦЦО

Воспоминания кадета

ВЕСТЬ ОБ ОТРЕЧЕНИИ В ОКТЯБРЕ

В Николаевском Кадетском Корпусе, в неурочное время, раздался сигнал «по классам». Офицеры-воспитатели явились по своим отделениям. Наш строгий, немногословный, но хороший офицер, подполковник Николай Александрович Костыгов, волнуясь и с горечью в голосе прочел акт отречения от престола Государя Императора. Последние слова он не смог выговорить. У этого сухого офицера покатались по щекам слезы. Желая их скрыть, он быстро вышел из класса. Мы же, кадеты, прибитые этим сообщением, еще долго стояли на месте, ошеломленные.

В октябре, того же проклятого года повторилось то же самое. Сигнал, офицеры разошлись по своим отделениям и сообщили о большевицком перевороте.

Офицеры разъяснили нам, почти радостно, что треклятая керенщина могла длиться годами, а большевизм — идея настолько абсурдная, что, конечно, этот режим через один-два месяца падет.

Мы тоже радовались. Но, Боже, как мы горько ошиблись!

«ОБЩЕСТВО» О КАДЕТСКОМ ВОСПИТАНИИ

Помню перед революцией я был, в числе прочей молодежи, приглашен в один дом, так как там в семье были наши сверстники. Когда наступил час возвращаться в Корпус, я пошел проститься с хозяйкой, которая сидела в гостиной, в обществе нескольких дам и мужчин.

Поблагодарив хозяйку и распрощавшись с нею и с ее гостями, я вдруг услышал как глядя на меня, она промолвила: «Грустно смотреть, как коверкают воспитанием жизнь этой милой молодежи».

Я был озадачен. К чему она это сказала? Нас учили о чести, о долге, о родине и считать за счастье умереть «за веру, царя и отечество».

Со временем я понял. Им надо было, чтоб нас учили как раз всему противоположному: им нужна была революция.

«ОБЩЕНИЕ С НАРОДОМ»

Вскоре после первой революции газеты не продавались, а разбрасывались из носящихся по улицам грузовиков. Они были всевозможных политических направлений и вообще печатали газеты, что только хотел и имел на то средства.

Однажды я, будучи тогда кадетом, провожал одну титулованную даму, приятельницу родителей — домой. Дама попросила поднять одну из газет и начала ее читать. Из праздничношатающейся толпы кто-то выкрикнул: «Читайте громко!» Дама послушалась. Толпа стала нас окружать. Иные кричали: «Громче, громче!»

Я сказал, что нам следует идти дальше, но дама была — как и большинство интеллигенции — либерально настроенная и так была охвачена энтузиазмом «общения с народом», что не переставала читать.

А толпа все прибывала. Ей уже подставили какой-то ящик, чтобы было лучше слышно в задних рядах. Титулованная дама читала долго, охрипла, наконец, кончила и я провел ее, сияющую, домой. Муж был удивлен ее хрипотой и опозданием и она стала рассказывать, как «общалась с народом». Благоверный только покачал головой.

В сравнительно скором времени подобное «общение с народом» обошлось России морем слез и крови.

Ю. Карелли-ди-Брандиццо

Из редакционной почты

О ТОМ, ЧТО ПРОИЗОШЛО НА ХОДЫНКЕ

Суммируя, сопоставляя и очищая разноречивые свидетельства о Ходынке, можно вывести заключение, что ответственность за несчастье лежит на московской городской полиции, которой было поручено подготовить коронационные торжества для народа. Широкие грунтовые выемки были не засыпаны, а покрыты досками, недостаточно крепкими, чтобы выдерживать тяжесть толпящихся людей. Доски проламывались и превращали выемки в волчьи ямы, в которых люди затаптывались толпой. Второй причиной бедствия нужно считать давку у входов на главную территорию гуляния, где и выдавались фаянсовые юбилейные кружки; входов было несколько в высоком и крепком заборе, и подходы к ним тоже были ограждены дощатыми заборами, раструбом суживавшимися ко входу из-за чего, там в давке пострадало не меньше людей, чем в ямах. Пострадавших на Ходынке были сотни, но интеллигентская мифология сразу превратила их в тысячи. А услужливые царедворцы, чтобы не огорчать царя и царицу, скрыли размер бедствия и сказали, что пострадало несколько десятков человек. Только на следующий день перед Ними раскрылась вся правда и первое, что было сделано Государем — отдано распоряжение о всестороннем и полном обеспечении всех пострадавших и их семей, а семей погибших — пожизненной пенсией. Даже не зная еще о настоящих размерах несчастья, Царь и Царица пытались уклониться от участия в Их честь устраиваемом торжестве во французском посольстве с приглашением всего дипломатического корпуса, но царедворцы убедили августейшую пару, что Их отказ был бы чреват политическими осложнениями. Они пробыли на вечере недолго, но наша темпераментная интеллигенция упрекала Их потом в том, что «в день народного бедствия они плясали на балу». Эта клевета — только один из шипов в терновом венце царственных мучеников. А версия В. Богдан в ее статье «Ходынка» очень интересное и правдоподобное дополнение.

СМЫСЛ "ФИЛОСОФИИ" САРТРА

П. Савельев в «Калите» ссылается на пьесу «Блохи», написанную умершим, наконец, «философом» Сартром, в которой этот субъект проповедует право каждого совершать любые преступления, включая убийство матери, если он свободно принимает на себя ответственность. Помимо явной дегенеративности такой, с позволения сказать, «философии», она страдает отсутствием простейшей, любому школьнику доступной, логики. Ну, вот, мусью-рабби Сартр убил свою мамашу, легкомысленно его родившую и попал под суд, который, несмотря на всю свою демократическую гуманность, посадил философа в тюрьму. Да, он на всем свете не нашел бы суда, который его бы оправдал. А это значит, что никакого права убивать он не имел. И даже такому незадачливому «философу», как, царство ему подземное, Сартру это было ясно заранее, до преступления. Он и не совершал его поэтому, а только призывал, мерзавец! В том-то и смысл его «философии»...

АНОНС!

АНОНС!

АНОНС!

30-го и 31-го НОЯБРЯ 1980

состоится

ОТЧЕТНЫЙ СПЕКТАКЛЬ
СТУДИИ МАШИ ПАВЛОВОЙ

ВЛАДИМИР СОЛОУХИН

ВРЕМЯ СОБИРАТЬ КАМНИ

— 13 —

Тут он увидел монаха с метлой (Пахомия) и, разговорившись с ним, сказал без обиняков, что он Толстой Лев Николаевич, идет к отцу Иосифу, говорят, что он болен. Пахомий ответил, что старец не болен, но просто слаб, но Льва Николаевича, конечно, примет. Толстой пошел было к старцу, но, дойдя до Святых ворот, внезапно опять свернул в лес. После этих колебаний, возвратившись в гостиницу, он сказал Маковицкому:

— К старцам сам не пойду. Если бы сами позвали, пошел бы.

Пахомию (на которого встреча с Толстым произвела огромное впечатление) выговаривали потом, зачем он сразу не повел Толстого к Иосифу. Пахомий отвечал, что не посмел.

Юрию Машкову было всего 43 года, когда его поразил распространенный по всем внутренним органам рак.

Много он вынес на родине тяжелого, о чем он нам поведал и недолго наслаждался свободой в западном мире, о чем мне недавно писал из США.

Мир его праху и вечный покой!

Мимо меня проходит цепь вырвавшихся из порабощенной родины работников всяких специальностей: инженеры, техники, артисты драмы, музыки на разных инструментах и пения, военных — участников последней мировой войны, учащих советских высших и средних школ и разных национальностей: преобладают москвичи, затем ленинградцы, киевляне, одесситы, армяне, казаки, побывавшие в концлагерях, все чаще евреи. Один пожилой еврей мне остроумно заметил, покинув Москву и через Вену и Рим отправляющийся в США:

«Как ни крути, как ни верти,
А вечный жид всегда в пути!»

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

Душан Петрович Маковицкий, многолетний личный врач Толстого, его секретарь и вообще очень близкий ему человек, ставит, по-моему, все точки над «и», говоря:

«У Л. Н., видно, было сильное желание побеседовать со старцами. Вторую прогулку (Л. Н. утром по два раза никогда не гулял) я объясняю намерением посетить их...Л. Н. желал видеть отшельников-старцев не как священников, а как отшельников, поговорить с ними о Боге, о душе, об отшельничестве, посмотреть их жизнь и узнать условия, на каких можно жить при монастыре...»

Впрочем, теперь можно только гадать. Встреча не состоялась, и Толстой, покинув Оптину, поехал в Шамордино, где жила Мария Николаевна. Он метался. В плену субъективных представлений о самом себе и о соотношении себя с действительностью (как это часто бывает с людьми) он не мог оценить обстановку реалистически. В порыве наивной конспирации он подписывает письмо Александру Львовне «Т. Николаев», думая убежать и скрыться, в то время когда весь мир уже следил за каждым метром его передвижения по России.

Но визитных карточек у него на этот раз не было. Гостиник Михаил попросил было карточку, сказав, что ему дорого, что такой человек посетил его гостиницу. Карточки не оказалось. Пришлось просто расписаться в книге посетителей. И это была едва ли не последняя фраза, написанная Львом Толстым на бумаге: «Лев Толстой благодарит за прием».

2.

Известно, что идеи носятся в воздухе. Когда приходит пора чему-нибудь быть изобретенным, то изобретение происходит почти одновременно в разных местах, несколькими людьми,

независимо друг от друга, но зависимо от общей сложившейся обстановки, атмосферы, от того, что «пришло время».

Так было с паровой машиной, с электрической лампочкой, с радио, с атомной бомбой, с возникновением многих гипотез и теорий. Сказано даже и у Гете: «Некоторые идеи созревают в определенные эпохи: так плоды падают одновременно в разных садах».

Примеры не по масштабу, но и в нашей сфере, в журналистике, в публицистике, в искусстве вообще, в сфере гражданских и патриотических движений души, тоже бывают подобные совпадения.

С некоторых пор возникла для меня как объект публицистического исследования Оптиная пустынь, о которой я слышал, конечно, и раньше и знал что-то такое в общих чертах, но как-то все — в общих чертах, посторонне. А тут — звезды, что ли (в шутку говоря), расположились соответствующим образом, логика ли письменного стола привела (без шуток), но все чаще и чаще стала возникать мысль об этом историческом, литературном, культурном, архитектурном, народном, в конце концов, достоянии.

И вот — совпадение идей. Вдруг вижу: искусствовед Владимир Десятников публикует статью «Оптина пустынь», ну, пусть хоть в загорской городской газете. А там Дмитрий Жуков и «шарахнул» превосходную статью в «Литературной России» под названием: «Кто восстановит памятник?» А тут пришло письмо, и не просто письмо, а бандероль с рукописью в семнадцать машинописных страниц. Пишет мне неизвестный А. Е. Сазыкин из Смоленской области. В письме автор представлялся: «Я военнослужащий, служу в армии двадцать лет. Через четыре года собираюсь в запас, буду

иметь уйму свободного времени, чтобы ездить, смотреть, читать». В письме же офицер Сазыкин (жаль, что не расшифрованы инициалы) пишет:

«Козельская Оптина — бывший монастырь — место чрезвычайно интересное, популярное в литературе, но смотреть там почти нечего, а угадывать не всякий может. Никто там никогда ничего не сохранял (в наше время), даже постройки, приспособленные под СПТУ, и те рушились временем, а ненужные — людьми на камень, из озорства или жадности (клок железа с купола собора...). Мало что осталось: остовы церквей, двести башенки, часть ограды... следы вневременных цивилизаций ищем, а следы собственной цивилизации стираем...»

Картина совпадает с описанием Оптиной пустыни Дмитрием Жуковым:

«Открыв глаза, я не увидел ни белых башен, ни золотых глав Введенского собора. Война, время и ребрежение проделали страшную разрушительную работу. Грязные, совсем не живописные руины окружают несколько уцелевших зданий, в которых ютится сельское профессионально-техническое училище. Груды битого кирпича перемежаются с ржавеющими, брошенными за ненадобностью остатками камбайнов... Перепрыгивая через обломки, я добираюсь до могил братьев Киреевских, огороженных жалким штакетником...»

Так вот и начало совпадать. Еще одно письмо: «Прошу извинить меня за вторжение... мне сказали, что вы намерены (я еще только подумал, а кто-то уже успел сказать! — В. С.) съездить в Оптину пустынь... Для помощи в ваших начинаниях хочу посоветовать вам связаться с директором Козельского краеведческого музея, журналистом Сорокиным Василием Николаевичем, проживающим в Козельске...»

Через несколько дней — новое дело. Письмо от самого Василия Николаевича Сорокина.

ОПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА

- Почтовое ведомство Англии отмечает восьмидесятилетие вдовствующей королевы-матери выпуском ко дню Ее рождения юбилейной марки, достоинством в 12 пенсов.
- Зельман Коган — первый генерал-губернатор Австралии, удостоенный Религиозным Институтом Цинциннати почетного звания доктора гуманитарных наук. Диплом торжественно вручен в мельбурнской синагоге, специально командированным для этого из Америки раввином — профессором Стейнбергом.
- Ватикан проявляет в последнее время желание наладить переговоры с Англиканской Церковью о братском соединении обеих Церквей, что по сути, означало бы ликвидацию Англиканской и возвращение ее чад в лоно католицизма. Зная англичан и их отношение к католицизму, позволено усомниться в успехе переговоров, если они, вообще, начнутся.
- Московская «Правда» обрушилась на австралийское правительство, в частности — премьера Фрезера за его враждебность к Олимпийским играм и обвинила его в «нарушении дипломатических принципов, какое ответ-

ственные государственные руководители никогда себе не позволяют». Газета забыла прибавить «кроме советских».

- Берт Райнольдс — американский киноактер, за участие в голливудском фильме «Пушечное ядро» получит пять миллионов долларов, плюс проценты с дохода, обещающего быть большим, так как все американцы ринутся смотреть гонорарного рекордсмена и расхватают билеты.
- Шведская экономика как и общественное устройство Швеции, зашли в тупик и по признанию председателя конфедерации шведских профсоюзов Г. Нильсена, нуждаются в коренном переустройстве. До абсурда доведенное повышение налогов и социального обеспечения, создали неукротимое стремление к повышению зарплаты с неизбежными забастовками, отчего лопаются предприятия и повышается безработица, а с нею и пособие по безработице, вынуждающее правительство к повышению налогов. Сказка про белого бычка, давно краснющего за глупость социализма.
- Мозамбик становится «африканской моделью социализма», то есть советской игрушкой, где колхозы, пропаганда, уничтожение частной инициативы во всем, во всем террор, разрушение храмов, перевоспитание или убийство священнослужителей, голод, нищета, мерзость запустения, эпиде-

СВЯТОТАТСТВЕННАЯ КРАЖА

Как сообщает аргентинская вечерняя газета "Ла Расон" от 25-го августа с. г., на Аляске в монастыре Св. Тихона было совершено святотатственное похищение золотой урны с мощами Св. Гермогена Аляскинского, "единственного православного святого Америки". Как пишет газета, полиция исследует это дело.

мии, ужас и отчаяние населения. Словом, «модель».

- В Японии на острове Ошима, южнее Токио, в заливе Ицу, произошло сильное землетрясение. Земля сотрясалась на большом пространстве, включая Токио. Японцы пользуются своей шкалой из 7 баллов. По этой шкале, последнее землетрясение определено в 5 баллов.
- Пекинская печать оживленно обсуждала великосветский скандал, произошедший в высокопартийной сфере. Ему предшествовали клеветы, сплетни, доносы, семейные драки и бракоразводный процесс, закончившийся тем, что партийный муж раздел догола свою партийную жену и выгнал ее на беспартийную улицу. Видимо, не зря, потому что потерпевшей никто не сочувствовал, ни помогал. Даже начальник милиции прогнал. Так она и бегала, голая, как неприкаянная, пока не достучалась в какую-то женскую организацию. Газета «Народный ежедневник» заключила, что партий-

НАША СТРАНА

ОРГАН РУССКОЙ
МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Телефон Редакции: 52-7426.

Цена номера газеты, посылаемой воздушной почтой: Австралия — 0,80 австралийских долларов; Германия — 1,40 немецких марок; Италия — 650 лир; Парагвай — 100 гварани; США — 0,80 долларов; Франция — 3,30 франков; Чили — 30 песо. Все остальные страны — 0,80 долларов США.

Цена номера газеты, посылаемой простой почтой: Аргентина — 1.700 песо; Франция — 3 франка; США и все остальные страны — 0,75 долларов. Почтовые переводы, чеки и Монеу Ордер просьба посылать на имя редактора и по адресу Редакции, указанному на первой странице.

ФОНД ИЗДАТЕЛЬСТВА
ИМЕНИ
ИВАНА ЛУКЬЯНОВИЧА СОЛОНЕВИЧА
В "Фонд Издательства имени Ивана Лукьяновича Солоневича" поступили следующие суммы:
от А. С. Ковригина — 70.000 песо, от П. Величко — 20 ам. долл.

цы потеряли бдительность. Сместили двух партсекретарей, судью и начальника милиции. Коммунистическая «мораль» восторжествовала!

ФИЛИН

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО РОССИЙСКИХ ЭМИГРАНТОВ «ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ»,

отмечая вторую годовщину своей деятельности, устраивает в воскресенье 12-го октября 1980 г. в 17 часов в актовом зале при храме Св. Троицы (Бразиль 315)

БОЛЬШОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ КОНЦЕРТ

В программе: романсы и песни русских композиторов, рояль, аккордеон, короткая пьеса по Чехову, докламация и танцы.

БУФЕТ

Молодая Группа при участии Театральной студии под руководством Л. Г. Седовой ставит 9-го и 16-го ноября 1980 года в зале при Епархиальной Школе (Фалучо 854, Вижа Бажестер)

"НЕДОМЕРОК" перевод пьесы "Скамполо"

при участии В. Бауман, Е. Бауман, О. Гореловой, А. Андрусен, Ю. Малиновского, А. Маскуха и В. Хасапова.

БАБЬЕ ДЕЛО А. Н. Санаева.

при участии Е. Бауман, В. Войницкой, О. Гореловой, А. Ракитиной, Н. Хасаповой, К. Шленевой, Н. Туроверова, А. Шленева и П. Шленева.

Вне программы выступление Н. Снежинского в миниатюре
"РАЗГОВОР С НОВОСИБИРСКОМ"
при участии А. Гореловой и В. Хасапова.

«Я слышал, вы собираетесь приехать в Оптину пустынь. Приветствую это решение, прошу сообщить, когда вы намерены осуществить это желание. Будет хорошо, если вы это сделаете нынешним летом. Место ночлега мы вам обеспечим...»

В шесть часов вечера пробую заказать по телефону город Козельск. Пока это для меня только звук, да еще в уме несколько исторических сведений. Но понимаю, что это не очень далеко, за Калугой, за Перемышлем (а Перемышль — тоже только звук), ну, километров... во всяком случае, меньше трехсот. И там живет некто (тоже пока только звук) Василий Николаевич Сорокин, директор музея, заслуженный работник культуры РСФСР, о котором так тепло написал в той же статье Дмитрий Жуков:

«А едут, едут без конца. Со всех концов мира*» едут в это место, не включенное в туристические проспекты. И Сорокин, пожилой, седовласый, садит-

ся в автобус и, сгорая от стыда за разор, который ему сейчас придется показывать, говорит торопливо о людях, с мировой славой. Он, пожертвовавший карьерой журналиста и литератора ради того, чтобы сберечь хоть малое из того, что осталось, говорит увлеченно и красиво... отвлекает внимание от руин оград, наугольных башен, церквей, колоколни, зданий без крыш и с зияющими провалами вместо окон... торопливо проводит гостей, увязавших по шиколотку в грязи, к скиту, где уже наведен относительный порядок...»

Сейчас в течение часа (по существующим правилам нашей связи) я услышу голос этого человека, и мы договоримся о дне приезда. Телефонистка бойко отвечает:

— Козельск от часа ночи.
— Но почему? До часа ночи можно получить Нью-Йорк, Аддис-Абебу и Рио-де-Жанейро...
— Козельск от часа ночи.
— Но за это время я доеду до Козельска и, возможно, вернусь обратно.
— Счастливого пути! — Телефонистка разъединила.

ВЛАДИМИР СОЛОУХИН
(Продолжение следует)

ОРГАНИЗАЦИЯ РОССИЙСКИХ ЮНЫХ РАЗВЕДЧИКОВ

РОДИТЬСЯ РУССКИМ

СЛИШКОМ МАЛО,

ИМ НАДО БЫТЬ, ИМ НАДО СТАТЬ.

За Россию

РТДД ставит в воскресенье 5-го октября в 16.30 часов, в театральном зале ОРЮР «НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ» — по Гоголю. Русский Театр Для Детей приглашает всех своих друзей-зрителей на этот красочный и веселый спектакль. Билеты: дети — 2000 песо, взрослые — 5000 песо.

ДЕНЬ МАТЕРИ

В воскресенье 19-го октября в 16.30 часов дружины «Град Китеж» и «Господин Великий Новгород» устраивают чествование наших матерей. Выступление детей и молодежи, чай и сюрпризы для наших мам. Вход по приглашениям.

ВСЕ ЖЕЛАЮЩИЕ РУССКИЕ ДЕТИ, МОГУТ ЗАПИСАТЬСЯ И ПРИДТИ НА ЭТОТ ПРАЗДНИК СО СВОИМИ МАМАМИ, ЧТОБЫ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В ОБЩЕМ ВЕСЕЛИИ.

14-го сентября в Театральном зале ОРЮР состоялось празднование 600-летия Куликовской битвы. Несмотря на дождь и холод, зал был полон гостей, среди которых был большой процент молодежи.

Скм. Г. Лукин открыл собрание и информировал присутствовавших обо всех общественных, культурных и патриотических мероприятиях ОРЮР.

Скм. И. Андрушкевич прочел доклад на тему празднества на высоком уровне. Доклад изобилует интересными мыслями, заключениями и выводами, которые присутствовавшие приняли с живым участием.

Н. Н. Седлецкий художественно прочел произведение А. Солженицына о Куликовом Поле «Захар-Калита», в котором автор мастерски описывает как выглядит этот исторический памятник в наши дни.

Во втором отделении скм. М. Сагайдаковская-Лукина коротко, но очень красочно, с огромным чувством и драматизацией, описала присутствовавшей молодежи и старшим как Св. Сергей Радонежский напутствовал и благословлял князя Дмитрия Донского на битву с татарами.

После этого был показан художественно-музыкальный монтаж о граде Киеве, его церквях, памятниках и иконах. Дипозитивы были сняты духовником ОРЮР о. Валентином Ивашевичем. Текст, составленный скм. И. Шмитовым был хорошо продуман и всесторонне осветил тему. Очень хороши были дикторы: инс. З. Шмитова и Н. Седлецкий. Несмотря на некоторые технические шероховатости монтаж был принят публикой с большим удовлетворением и оставил глубокое впечатление.

Т. Н. Б.
Адрес Штаб-квартиры ОРЮР и нашего театрального зала: Оливос, улица Буэнос Айрес 2655 (между Варнес и Фрай Хусто Сармиенто), четыре квартала от «Панамерикана» и 6 кварталов от железнодорожной станции «Др. Центранголо» (Митре). Коллектив 184, остановка Вижате и Фрай Хусто Сармиенто, и коллективы, идущие по «Панамерикана» 21, 230, 60, 15, 228 — остановка Малавер или коллективы 333 и 343 — остановка Угарте и Фрай Хусто Сармиенто.

Телефон: 761-4045 по средам от 9-11 и по субботам от 9-12 часов.

* Небольшое преувеличение. В место, не включенное в туристический маршрут, со всего мира не поедут. Со всех концов нашей страны — это правда.